

Дина Чудинская

Путь чудес

УДК 82-3
ББК 84-4
Ч-84

Чудинская Д.

Ч-84 Путь чудес / Дина Чудинская. – М.: Литнет, 2026. – 236 с.

ISBN 978-5-521-99454-0

Он хотел исчезнуть, она – сбежать. Их желания, кстати, спросили, но... Дорога Судеб связала их одним билетом – «вместе».

Лия – травница, над которой висит тень пророчества. Эйрен – уставший маг, привыкший чинить чужие заклинания и судьбы, но так и не справившийся со своей.

Золотой кот, светящиеся билеты и семь чудес Дороги, что испытывают снова и снова проверяют их выбор и чувства.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99454-0

© Литнет, 2026

© Чудинская Д., 2026

Глава 1 «Сбежавшая травница», в которой героиня убегает от пророчества и выбирает судьбу

Я не собиралась кричать. Если честно, я вообще не собиралась сегодня много разговаривать. Я встала еще затемно и хотела только выйти за травой на болото, собрать свежую манисту до того, как тающий на солнце туман утащит ее обратно в воду, принести ее домой, разобрать, а потом не спеша сварить нормальный успокаивающий настой для соседской бабы Жани, заказанный еще третьего дня. Ничего эдакого. Обычный день – я, трава, немного утренней прохлады, потом ступка для растирания высушенных трав, маленький котел, немного магии, и никто меня не трогает.

Но, конечно, тетка Рута решила, что самое подходящее время для разговора о моей «жизненной несостоятельности» – это когда я только вернулась с болота с полной тяжелой корзиной сырой травы, в мокрой юбке по колено, и с волосами, в которых запуталось пара цепких репьев.

– Ты не пойдешь, – сказала она.

Вот так, прямо с порога, ни с того ни с сего. В этом вся Рута. Ни «доброе утро, Лия», ни «Дорогая, давай продолжим наш вчерашний разговор». Просто вот так, с порога – «не пойдешь». Я, может, вполне успокоилась уже и вообще не особо куда собиралась. По крайней мере, сегодня – точно. Маниста, котелок и немного тихой осени – прекрасный план на день.

Я поставила корзину на стол. Стол у нас был старый, весь в прожогах от настоек, которые «точно не вспыхнут», а потом вспыхивали. Рута всегда говорила, что это придает мебели характер. Я думала, что это придает мебели ускорения по дороге в сторону свалки.

– В смысле – не пойду? – уточнила я. Очень спокойно. Как травница. Как взрослая. Как женщина, у которой все под контролем, включая голос. Голос чуть дрожал. Ну и что.

Рута сидела на низком табурете у очага и перебирала сушеные листья шиполиста. Ее пальцы двигались быстро и уверенно – она всегда делала все так, будто сама придумала этот мир и недовольна качеством исполнения. Коса у нее была убрана строго, ни единой выбившейся прядки. Я машинально пригладила свои волосы – они, конечно, не пригладились. У меня с детства характер волос был самостоятельный: густые, каштановые, волной до лопаток, и каждая прядь думала, что она главная.

– Я сказала, – повторила Рута, не глядя на меня, – ты не пойдешь на Дорогу Судеб.

Вот так. Как будто она только что объявила, что я не пойду на пруд за кувшинками. Как будто Дорога Судеб – это кувшинки. Как будто я не человек, а непослушный кот, которого нельзя выпускать в огород, потому что он опять раскопает чеснок.

– Это не твоя дорога, Лия, – добавила она.

Я почувствовала, как внутри все поднимается, как пена в слишком быстро налитой кружке с пивом:

– А чья?

– Не твоя.

– О, спасибо, теперь ясно, – я улыбнулась.

Я вообще умею улыбаться очень вежливо, так, что никто не понимает, что я сейчас кое-кого мысленно стучаю ступкой по лбу:

– Может быть, уточним? У дороги есть табличка «не трогать, это ни в коем случае не для Лии»?

Она наконец подняла на меня взгляд. Серые глаза, резкие линии лица. То выражение, от которого у половины деревни образуются внезапные дела на другом конце улицы:

– Хватит глупостей. Ты знаешь пророчество.

О да. Пророчество. Конечно. Мы же не можем прожить и дня, не вываляв меня в пророчестве.

Я вдохнула медленно. Запах кухни был привычный: сушеная мята, дым от очага, кисло-сладкий запах засахаренных корней сонника, которые Рута грызла по вечерам вместо конфет. На веревке над головой висели пучки трав, они шуршали от сквозняка, когда открывалась дверь. Слева от стола сопела печка-камушка, тихо, ровно, как котенок. Наш дом всегда звучал, как будто в нем жила еще одна семья – из банок, трав и теплого воздуха.

– Повтори мне, пожалуйста, дословно, – сказала я самым спокойным голосом, на который была способна, – потому что я, возможно, не так услышала. Возможно, пророчица заикалась?

– Лия, – Рута тяжело выдохнула, – «Тот, кого ты полюбишь, принесет беду. Твой шаг к нему станет шагом к потере». Дословно.

Я закатила глаза:

– Это не то, что она сказала.

– Это именно то, что она сказала.

– Это то, что ты услышала, – я сунула ей под нос палец, весь в болотной зелени, – Большая разница.

Честно? Я ненавидела этот разговор. Не из-за «беды». Не из-за «потери». А потому что все вокруг в деревне уже успели решить за меня, что я – бедное несчастное существо, которому нужно сидеть тихо и не дышать. Меня начали жалеть. Жалость – самая липкая вещь на свете. Даже мед так не тянется.

– Ты не готова, – сказала Рута.

– Здесь не к чему готовиться. Я не собираюсь красть кур у соседей или вызывать демонов на ярмарке, – ответила я, – Я хочу уйти на Дорогу. Это не преступление. Это... традиция.

Она посмотрела на меня так, будто я только что объявила, что собираюсь замуж за болотного духа:

– На Дорогу не ходят без пары. Это опасно.

– Я пойду одна.

– Да, я так и поняла, – она сухо хмыкнула, – И кто тебя, по-твоему, пустит одну на Дорогу Судеб?

Я сжала губы. Вот это было обидно. Потому что она была права.

Дорога Судеб не любила одиночек. Все знали. Это был старый и правильный, в общем-то, закон. Слишком много людей раньше пытались «просто уйти». Дорога не любит людей, которые просто уходят. Дорога любит тех, кто идет куда-то. Вместе.

И все же.

– Я не ребенок, – сказала я, – Я умею варить настои. Я умею искать самые редкие травы, которые даже ты не можешь найти. Я могу успокоить лихорадку за ночь и поднять человека на ноги.

– Да, – кивнула Рута, – Травы ты знаешь. Людей – нет.

Я встала. Стул скрипнул.

– Спасибо.

– Не делай вид, что я тебе враг. Я тебя берегу.

– Нет, – сказала я мягко, – Ты меня держишь. Это нечестно.

На мгновение в ее лице что-то мелькнуло такое, что я почти пожалела. Почти. Но потом Рута снова собралась, как всегда.

– Ты не понимаешь, – тихо сказала она, – Ты слишком мягкая. Ты видишь в людях то, чего нет. Ты им веришь.

«Ты слишком мягкая». Вот оно. Всегда сводится к этому.

Я не люблю смотреться в зеркало, честно. У меня там лицо слишком открытое. Скулы нормальные, нос нормальный, глаза – слишком большие, слишком светлые, как зеленый крыжовник. Волосы – вообще беда: то выются, то висят, то лезут куда не надо. И веснушки. На носу, на скулах, на лбу, на плечах. Как у маленького ребенка. Люди видят меня – и им хочется либо меня гладить, либо мне что-нибудь объяснять. Меня это раздражало всю жизнь.

– Может, я хочу верить, – сказала я, – Это не преступление.

– Это слабость.

– Это моя магия.

Она замолчала. И на миг в доме стало тихо-тихо. Даже печка перестала сопеть.

Потому что это тоже было правдой. Моя сила никогда не была «холодной», как у магов, что пишут формулы и заставляют стены

слушаться. Я не считала руны. Я чувствовала людей. Иногда слишком сильно. Иногда до боли. Как будто их чужие страхи царапали мне ладони изнутри. Если я кому-то верила – он исцелялся быстрее. Это знали все в деревне. Это знала и она.

– Лия, – тихо сказала Рута, – послушай. Ты мне как дочь. Если ты уйдешь – ты не вернешься той же. А если полюбишь кого-то на дороге... ты можешь не вернуться вообще.

– А если я останусь – это буду не я, – ответила я тихо.

И вот после этого, я думаю, мы обе поняли, что разговор закончен.

Я не слишком торопясь переоделась в сухое, заново перевязала волосы и сняла с крюка свою сумку – потрепанную заплечную торбу, в которой всегда лежало все самое нужное: нож для корней, пучки перевязанной суши, три пустых флакона под настои и кусочек чистого полотна на перевязки.

Засунула туда немного свежей манисты, остальную оставила в корзине, махнула на нее рукой Руте:

– Разберешь сама.

Рута поднялась:

– Куда ты?

– В лавку, – сказала я, – Купить себе Дорогу.

– Я не дам тебе ни одного медяка.

– Не надо, – я улыбнулась ей через плечо. – У меня свои. Люди платят за помощь не только деньгами. Иногда – благодарностью. Благодарность очень охотно меняется на наличные. Особенно перед Праздником Совпадений.

Она поджала губы:

– Лия...

– Ты сама говорила, – напомнила я, – «У каждой судьбы свой час».

– Я говорила «не путай судьбу с глупостью»!

– Рута, – я посмотрела ей прямо в глаза, – я не дурочка.

Она прищурилась:

– Дорога решит.

– Вот и пусть, – кивнула я, – Я тоже хочу узнать ее мнение.

Я открыла дверь. За порогом пахло сырой землей, спелыми яблоками из корзины на крыльце – я сунула пару в карман – и дождем, который еще не начался, но уже шел где-то дальше по линии холмов. Небо было низким, светлым, как вываренное молоко. Деревня еще не проснулась до конца – только первые занавески шевелились, только первые куры ругались с петухами.

Я шагнула наружу. Сердце билось быстро-быстро, как бьется птичка, если держать ее в ладонях.

Сзади Рута сказала то, что говорила всегда, когда не знала, как остановить:

– Вернись хотя бы до темноты.

Я не обернулась:

– Возможно, – сказала я, – если Дорога позволит.

Дорога начиналась прямо за калиткой – как будто все это время только и ждала, когда я, наконец, выйду. Камни под ногами были теплые, хотя солнце едва показалось из-за леса. Ветви яблонь еще держали росу, и каждая капля на пожелтевших листьях блестела так, будто в ней горел крошечный светлячок.

Я шла быстро, пока дом не скрылся из виду. Потом сбавила шаг. Хотелось сделать вид, будто я просто иду по делам, а не убегая от своей судьбы, наставницы и целого пророчества впридачу.

Волосы, конечно, опять вырвались из косы. Я попробовала их собрать – помогло ненадолго. Эти кудри всегда жили по своим законам: что бы я с ними ни делала, они торчали, вились, щекотали щеки. И ладно. Пусть знают, что я иду, – подумала я. – Даже мои волосы против тишины.

На мне были старые сапоги, заплатанные трижды. Они едва заметно поскрипывали на каждом шаге, но зато не боялись грязи. Подол только надетой юбки уже успел вымазаться. На поясе покачивался

нож для срезания трав, а в сумке болталась металлическая ложечка для отмеривания настоек и чуть позвякивали стеклянные флаконы. Если бы кто-то посмотрел со стороны, сказал бы: «Вот идет травница, ничего необычного». Но внутри меня было ощущение, будто я иду по краю мира.

Деревня была ровно такой же, как всегда – крытые камышом крыши, колодцы с навесами, башенка храма Малых Сил. На башенке кто-то уже вывесил флажки к Празднику Совпадений. Всякий год в этот день в деревне пекли сладкий хлеб и гадали, у кого какие неожиданности произойдут. Я усмехнулась: уж мои-то неожиданности явно собирались наброситься на меня всей толпой.

Первой, кого я встретила на пути, была старая Марфа, лавочница. Она мела крыльцо лохматой метелкой с длинной ручкой и что-то бормотала под нос, как будто ругалась.

– Куда это ты так рано, девонька? – спросила она, глядя на мою сумку, – На ярмарку?

– В Дорогу, – ответила я.

Марфа перестала мотать головой и посмотрела на меня так, будто я только что призналась в чем-то неприличном:

– Одна?

– А что, по двое нынче не выпускают? – попыталась пошутить я.

– По двое – не выпускают. А одну – не возвращают.

Я пожала плечами:

– Ну, я постараюсь нарушить традицию.

Старая торговка вздохнула:

– погоди минутку – она сноровисто нырнула в лавку и вернувшись, сунула мне в руки маленький сверток, – Тут печенье с корицей. Съешь на привале. Пусть день будет сладким, а не горьким.

– Спасибо, Марфа.

– Не благодари. Просто не забудь, кто тебе давал.

Это была обычная форма благословения в нашей деревне: «не забудь, кто давал» значило «пусть доброта останется с тобой и однажды, может быть, вернется ко мне». Я кивнула и пошла дальше.

Следом у ворот своего двора стоял кузнец Вагр. Он всегда начинал утро с того, что разухабисто бранился с собственноручно сделанными накануне подковами, гвоздями или прочим домашним скарбом, а сегодня выглядел задумчивым.

– Лия! – крикнул он, – Если увидишь в городе моего племяша, передай ему, что я все еще жду деньги за меч!

– Как он выглядит? – спросила я.

– Как ветер в бурю!

– Отлично, – сказала я. – Если увижу, передам обоим.

Он громко расхохотался, и этот звук отразился в деревне, как удар кузнечного молота – звонко и уверенно.

Я шла дальше, мимо поля с тяжело налившимися колосьями, мимо мельницы, мимо маленькой придорожной каплицы, в которой кто-то уже успел поставить свечу для тех, кто «пошел по Дороге». В каждом доме тоже зажигали такие свечи, если кто-то уходил надолго. Моя, наверное, уже горела у Руты на подоконнике.

Иногда ветер приносил запах хлеба из домов, и мне становилось щемяще тепло. Дом – это не место, а запах, который не забывается. Я вспомнила, как недавно Рута ругала меня за то, что я сушу травы прямо над очагом, и как мы обе потом смеялись, когда мята взорвалась от нагрева при висящем рядом чистоплюйнике, рассыпавшись зелеными искрами по кухне.

Смех – тоже магия, просто без формул.

Когда дорога нырнула под сень леса, стало темнее. Воздух там был иной: влажный, зеленый, густой от запаха хвои и земли. Сквозь золото и багрянец листьев пробивались золотые лучи, и на их пересечении порхали крошечные духи-опылители – светящиеся точки, сами похожие на пыльцу. Я протянула руку, и один из них сел на ладонь.

– Не надо, – сказала я тихо. – Я не ваш цветок.

Дух мигнул и исчез.

Я шла дальше, и мысли путались, как корни под ногами. Что там говорила Рута? «Ты слишком мягкая»? Может, и мягкая. Но не глу-